

— Пойдем, — сказал он хриплым голосом.

Один или два шага она покорно следовала за ним, но затем неожиданно вырвалась.

— Сначала поймай меня! — игриво закричала она и побежала по мелководью в обратную сторону.

— Анаис, ну хватит, — крикнул он вслед. Дурацкое клише, подумал он с досадой, играть в эту глупую игру сейчас совершенно не хотелось. Ну да ладно, само это полуночное купание — одно большое клише. И большими прыжками погнался за ней по отмели.

— Вот погоди, я тебя поймаю.

Анаис по-детски взвизгнула и бросилась удирать, подняв кучу брызг. Она то и дело поворачивалась к нему, а когда он подбегал, припускала зигзагами, визжа и хоча.

— И-и-и! — Но это уже был не смех. Она резко остановилась, потеряла равновесие, споткнулась, упала на мелководье и снова закричала: — И-и-и!

— Анаис! — сердце Джереми сжалось. Он прыжком преодолел пару метров, которые отделяли его от нее. — Анаис, что случилось?

— И-и-и! И-и-и!

Дрожа всем телом и не переставая кричать, она отползала от берега, пока, наконец, ей не удалось подняться на ноги. Она обхватила лицо руками, и крик превратился в приглушенные стоны.

— Анаис! — заорал во все горло Джереми.

Послышался звон распахиваемого со всей силы окна.

— Да заткнетесь вы уже наконец? — раздался злой мужской голос. — Людям завтра на работу, вы, туристы гребаные!

Ему вторили другие голоса.

— Господи Иисусе, можно в этом городе хоть выспаться нормально?! — запрочитала с балкона какая-то женщина.

— Заткнитесь, ублюдки! — рявкнул кто-то и для убедительности пнул алюминиевую банку, которая громко загрохотала по улице, проходившей вверху вдоль побережья.

— Что случилось? Вам нужна помощь, мадемуазель? — поинтересовался кто-то, перевесившись через парапет на границе пляжа. — Что случилось?

Джереми стоял рядом с ней. Анаис прерывисто дышала и не отводила глаз от мелководья. Потом она отвернулась и, плача, спрятала голову у него на груди. Ее тело слегка подрагивало. Джереми обнял девушку за плечи и стал гладить по мокрым волосам, чтобы успокоить. Пока не разглядел на мелководье что-то большое и темное. И сердце у него ушло в пятки.

— Боже мой! — воскликнул он и невольно сильнее прижал Анаис к себе.

В мягко набегавших на берег волнах ритмично покачивалось тело, без всякого сомнения человеческое. Вернее, труп неподвижно лежал на песке, а в такт волнам колыхалась одежда.

— Скорую! — хотел крикнуть Джереми, но получил какой-то сдавленный писк. Он прокашлялся и крикнул еще раз — на этот раз голос прозвучал уверенней — незнакомцу, который так и стоял, перевесившись через парапет: — Скорую! И полицию! Вызовите полицию!

2

Иногда Дюваль задавался вопросом, все ли с ним нормально. Он взял пару дополнительных выходных, потому что вчера Анни приехала со своих гор, и они собирались провести это время вдвоем. С тех пор как они обрели друг друга, жизнь не баловала их частыми встречами. Один-единственный раз удалось договориться вместе покататься на лыжах в горах на выходных. Точнее, договаривались они и прежде, но в тот единственный раз у них действительно получилось. И как бы хорошо им ни было вместе, следующая встреча постоянно отодвигалась в далекое и туманное будущее. На Рождество он ездил в Париж, остановился у друзей и навещал детей. От идеи провести Рождество всем вместе, «как раньше» (так написала Лили неровным почерком в письме Пэр-Ноэлю), все же решили отказаться. Маттео, конечно, уже не писал никаких писем Пэр-Ноэлю. Он больше не верил в «это дерьмо», о чем хвастливо заявил отцу, но милостиво уточнил, что ради Лили сыграет еще раз в эту игру. Несмотря на все доводы и резоны, Лили упорно верила в Пэр-Ноэля. Но, вероятно, это последний год, когда она цепляется за милый детский ритуал.

Он до сих пор не познакомил детей с Анни. Все складывалось так, как она и предвидела. Детям был нужен он весь целиком — их встречи с отцом были слишком редкими, им вовсе не хотелось делить его. Папа то, папа

это — Лили не отходила от него ни на шаг и болтала без умолку. Она предпочла бы вообще не ложиться спать, лишь бы побыть с ним как можно дольше. Иногда по ночам она забиралась к нему в кровать и засыпала с ним в обнимку. Маттео тоже стремился сблизиться с отцом и завладеть его вниманием, хотя и не так часто и настойчиво, как Лили. Никогда прежде детей с Дювалем не объединяла такая взаимная привязанность, никогда время не было таким насыщенным. Это трогало и радовало, но и изматывало тоже. Когда дети через несколько дней улетели к матери в Париж, комиссар испытал облегчение. И из-за этого его мучила совесть.

Поэтому он долго не отваживался рассказать им об Анни. Ни в ноябре, ни на Рождество, ни даже на февральских каникулах. Лишь недавно обмолвился при них, что у него есть подружка и ее зовут Анни. Дети встретили эту новость без особого воодушевления. Они смогли принять Бена, нового бойфренда матери, но не испытывали ни малейшего желания знакомиться с девушкой отца. Он подозревал здесь влияние Элен, которая до сих пор с трудом свыкалась с мыслью, что у Дюваля действительно кто-то есть. Почему она не хочет уступать свои права другой женщине, Дюваль понять не мог. В конце концов, они же с Элен расстались.

Так что пока комиссар проводил свободное время либо с детьми, либо с Анни... Она терпеливо ждала его, звонила. Зачастую она могла связаться с ним лишь по телефону, электронной почте, а если сильно повезет, то по скайпу. Скайп комиссар ненавидел. Одно дело скайпиться с детьми — можно разглядеть даже многочисленные

щели между зубками Лили, прыгающей по дивану на заднем плане, пока Маттео гордо показывает в камеру дневник с оценками. Но любовь по скайпу не удовлетворяла Дюваля в самом прямом смысле этого слова. Если он хотел видеть Анни, то хотел видеть именно ее, а не искаженное изображение с улыбкой на сложенных бантиком губах. Он хотел вдыхать ее, осязать, зарываться в ее буйные светлые кудри, целовать и... Именно эти желания обуревали Дюваля в тот момент, когда зазвонил телефон и на экране высветился номер Вилье.

Он сразу сообразил, что запланированный романтический уик-энд на Лазурном берегу откладывается. Следовало бы уехать хотя бы в Италию. И выключить телефоны. Работа снова безжалостно вторглась в планы комиссара, но он даже не расстроился, лишь испытал легкий укол разочарования. Жизнь есть жизнь. Краем глаза он взглянул на Анни. Та и виду не подавала — сразу догадалась обо всем. У нее на такие вещи чутье. К счастью, она воспринимает это так же, как и он. Ведь журналистская работа тоже заставляет быть легкой на подъем. И если что где происходит, и флик⁷, и журналистка должны оказаться на месте первыми, и точка.

— *Oui*⁸, Вилье, — ответил Дюваль.

— Доброе утро, шеф, мне очень жаль...

Он говорил вполне искренне. Ему действительно было очень жаль. Старый бабник Вилье не мог себе вообразить более изощренной пытки, чем быть вынужден-

⁷ Уничижительное прозвище французских полицейских.

⁸ Да (фр.).

ным выскользнуть из объятий женщины, пусть даже это его собственная жена, и мчаться на место преступления.

Он, конечно, знал, что подруга Дюваля, Анни Шатель, сейчас в Каннах, и хотел бы дать Дювалю провести с ней пару незабываемых дней и ночей. Вилье считал, что шеф и так слишком мало времени оставляет на приятные вещи.

— Ничего. Что случилось?

Дюваль окончательно проснулся и сразу перешел к делу.

— Тело на пляже.

— Понятно. Где?

— Бижу-Пляж. Сюда самые *crème de la crème*⁹ пожаловали. Похоже, что-то серьезное. Вас хочет видеть прокурор.

— Хорошо, сейчас буду.

— До скорого, шеф.

— Ну? — Анни пытливо посмотрела на Дюваля.

— Труп на Бижу-Пляж.

— О! Бижу-Пляж! Ну надо же!

Ее голос прозвучал озадаченно, но в то же время в нем слышались нотки радостного возбуждения. Анни всегда нравилась эта бухточка в конце бульвара Круазетт.

— Возьмешь меня с собой?

— Тебе же не надо на работу, разве ты не хочешь устроить себе чудесное ленивое утро? — попытался отвертеться он. Вышло не слишком убедительно.

⁹ Лучшие из лучших (фр.).

— Леон! Ты с ума сошел? Мертвец в Каннах, и я здесь! Да еще и мой любимый Бижу-Пляж! И ты хочешь, чтобы я вернулась в постель? Леон, я хочу в дело! Понимаешь?

Дюваль пожал плечами. Конечно, он понимал Анни. Она была прирожденной журналисткой, но с тех пор, как ее перевели в провинциальную глушь, писала в лучшем случае небольшие статьи о местных событиях.

— За последние месяцы у меня не было особо захватывающих инфоповодов, — тут же принялась оправдываться она. — Вопреки ожиданиям, мне нравится новое место работы, и я не жалею или, скажем так, большую часть времени не жалею. Но после сотого дня рождения в доме престарелых, живописной ремесленной ярмарки, торжественного открытия туристической тропы или колодца и поисков пропавшей собаки мне хочется чего-то поярче.

— Разве ты только что не писала об аварии в ущельях Далуа? — подколот ее Дюваль.

— Автокатастрофа? Отлично, — Анни закатила глаза. — Давай, поприкалывайся надо мной. В общем и целом, там, в горах, нашему брату журналисту не много скучновато. — Она шумно выдохнула. — Так что я просто обязана поехать сейчас на Бижу-Пляж. Понимаешь?

— Гм.

Это могло означать что угодно. Например, согласие. Конечно, комиссар все понимал. Единственное, чего он

не понимал, — как его угораздило влюбиться в журналистку.

— Я могу поехать за тобой на своей машине, — предложила она, — но это как-то глупо, не находишь?

— Ну тем не менее так, пожалуй, лучше. Не будешь зависеть от меня.

— Ты хотел сказать, что это ты не будешь зависеть от меня, — поправила Анни Дюваля и уже потянулась за одеждой, которую вчера вечером позволила сорвать с себя и разбросать вокруг кровати.

— Анни, не придирайся к словам, — лениво пробурчал он. — *Allez!* — прикрикнул он на кошку, которая разлеглась в кресле на его одежде. Та меланхолично мяукнула, но не сдвинулась с места. — *Allez*, — повторил Дюваль. — Тигру, исчезни!

Так окрестила рыжеполосатое создание Лили, но кошка не слишком охотно откликалась на это имя. Она зевнула, от души потянулась и с вальяжным видом спрыгнула с кресла.

Дюваль отряхнул белую рубашку поло от приставшей кое-где кошачьей шерсти, критически осмотрел и даже обнюхал ее, затем быстрым движением накинул на плечи и влез в джинсы.

— Я не придираюсь, просто люблю точность, — парировала Анни. — Можно мне кофе?

— Конечно, все время мира — твое, ты свободна и независима, — сухо отозвался Дюваль. — Думаю, в кофейнике даже остался вчерашний кофе.

— Фу! — Анни передернула плечами. — Ты же знаешь, как я ненавижу этот твой подогретый кофе.

— Можешь выпить старый, можешь сварить новый, можешь вообще ничего не делать, — пробурчал Дюваль и исчез в ванной.

Анни разогрела кофе в микроволновке, а рыже-полосатое создание с истерическим мяуканьем терлось о ее ноги.

— Ну что, хочешь есть?

Кошка замыкала громче и выразительнее, будто отвечая: «Конечно, хочу!» Анни открыла нижний кухонный шкафчик и, останавливая метнувшуюся туда кошку не очень убедительным:

— Подожди! Тигру, подожди! — открыла большую металлическую банку с вмятиной на боку и, набрав голубой формочкой для песка немного сухого корма, ссыпала в маленькую чашку, стоящую на полу рядом с обогревателем. Кошка набросилась на еду, будто не ела неделю. Громко взмуркивая, она с аппетитом поглощала корм, разбрасывая гранулы во все стороны. Анни взглянула на формочку: голубая рыбка. Она улыбнулась — наверное, осталась от Лили, — поставила банку на место и вытащила кофе из микроволновки. Запахло горечью и гарью. Анни скривилась — этого ей никогда не понять: Дюваль, всегда такой требовательный к еде, даже к эспрессо, который пил по дороге на работу, дома поглощал этот ужасный разогретый кофе. С сахаром и молоком, возможно, его еще можно стерпеть. Сахар нашелся в жестяной банке в кухонном шкафу, но мо-

лока в холодильнике не оказалось. Комиссар пил кофе с сахаром, но черный.

— Может быть, у тебя найдется немного молока? — поинтересовалась Анни, когда он появился на кухне.

— Ты оставила мне огромный засос, как я теперь появлюсь на людях? — укоризненно сказал Дюваль, показывая себе на шею.

— Что? Я? Никогда.

Она взглянула на темную отметину на его шее.

— Гм...

— Видишь?

— Не оставляла я тебе никаких засосов! — решительно возразила Анни. — Возможно, он у тебя уже был.

— Эй, полегче, гражданка!

— Говорю же, не ставила я тебе никаких засосов, — повторила она и добавила для ясности: — Я нахожу это вульгарным. Так есть у тебя молоко или нет?

— Это все, что ты можешь сказать? Я тоже себе его не ставил, но теперь вынужден ходить с вульгарным пятном на шее. На что это похоже?

— Но я не помню... — растерянно заморгала Анни.

— Экстаз... — протянул Дюваль, подпустив в голос драматической мрачности.

Ответом ему был короткий смешок.

— Но я действительно ничего не помню.

— Все так говорят, но с полицейским это не прокатит, так что потрудись придумать что-то другое.

Он обнял ее и попытался поцеловать в шею.

— Не-е-ет! — крикнула Анни, отпихивая комиссара, и он сразу убрал руки.

— Возможно, в кладовке завалилось какое-нибудь молоко с длительным сроком годности... Я покупаю молоко, только когда приезжают дети.

— Что?

— Ты же это хотела узнать?

— Да...

— Ты сказала «нет», верно? Нет — значит нет, — продолжал он. — Если я, как полицейский, проигнорирую это...

— Ага, — Анни снова усмехнулась и, сбитая с толку, заглянула ему в глаза. Казалось, он не шутил. — Ну и правильно! — одобрительно кивнула она и перевела взгляд на кладовку. Кроме пары консервных банок и нескольких бутылок вина — шаром покати. И конечно, никакого молока.

«Нет так нет», — повторила она и подумала о другом:

— Ты не против, если я прикуплю чего-нибудь этого? Твой холодильник пуст, да и в кладовке мышь повесилась. А мы ведь хотели что-нибудь приготовить сегодня вечером. Что скажешь?

— Ага, — вздохнул Дюваль и поднял воротник поло. — Вот так сойдет?

— Что сойдет? — недоумевающе переспросила она.

— Я про засос.

— Более-менее, — улыбнулась Анни, — прости, но я правда не помню.